

РУССКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ И ЗАЗЕЙСКИЕ МАНЬЧЖУРЫ: АДМИНИСТРАТИВНО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

Е.И. Нестерова

"На большой степи, окружающей Благовещенск, по левому берегу р. Амур, расположены китайские, маньчжурские и даурские селения. Они многолюдны, цветущи и богаты, живописные селения тонут в густых, прекрасно сберегаемых садах, обработка полей превосходная. Жители этих селений по Айгуньскому трактату остались подданными Китая"¹. Так описывал современник в начале 70-х гг. XIX в. селения китайских подданных на левом берегу Амура. Согласно ст. 1 Айгуньского договора маньчжурских жителей, находившихся по левому берегу р. Амура, от р. Зеи на юг до деревни Хормолдзин, предписывалось "оставлять вечно на прежних местах их жительства, под ведением маньчжурского правительства, с тем, чтобы русские жители обид и притеснений им не делали"². Таким образом, договором закреплялась экстерриториальность части населения, оседло проживавшего на самой границе Российской империи.

Вероятно, это был единственный в русской истории пример предоставления иностранцам, управлявшимся чиновниками соседнего государства, права жить по своим законам. Как свидетельствовали очевидцы, Н.Н. Муравьев-Амурский понимал, какая бомба замедленного действия заложена этим пунктом для дальнейших русско-китайских отношений, но в момент заключения Айгуньского договора ему было важно получить документ, подтверждавший права России на Приамурский край. Переводчик графа Н.Н. Муравьева-Амурского, Я.П. Шишмарев вспоминал: "Китайские уполномоченные убедили [Муравьева-Амурского - Е.Н.] ... в невозможности для них окончить дело

¹ АВПРИ. Ф. 143, оп. 491, д. 3427, л. 26.

² РГИА ДВ. Ф. 701, оп. 1, д. 232, л. 5.

заклучения трактата без оговорки, касающейся маньчжурского населения между Зеей и Хормолдзином"¹. Н.П. Игнатъев также обращал внимание Н.Н. Муравьева-Амурского на "неудобство оставлять на левом берегу Амура маньчжурское население, могущее размножиться и создать нам большие затруднения в будущем". Однако генерал-губернатор Восточной Сибири полагал, что с укреплением русской власти можно будет привести это население в русское подданство либо переселить на правый берег реки².

Численность зазейских маньчжур долгое время оставалась невыясненной. По приблизительным оценкам, в 1859 г. их насчитывалось около 3 тыс. человек³, а в конце 60-х гг., по данным комиссии Сколкова, – 10646 человек⁴. Лишь в 1881 г. представилась возможность провести первую перепись: на пространстве 1500 кв. верст от р. Зеи до ст. Черняевой проживало постоянно китайских поданных около 13700 человек, из них 12204 человек жили семьями на местах своих поселений⁵. По свидетельству Г.Е. Грум-Гржимайло, в 80-х годах XIX в. подданные Цинской империи проживали в 63 поселках, из которых лишь 37 подходили под категорию селений, а остальные являлись заимками, хуторами⁶.

По указанию Приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского зимой 1894 г. в селения зейских маньчжур для сбора информации командирован чиновник по особым поручениям при Приамурском генерал-губернаторе П.П. Шимкевич. Согласно его данным, в 63 населенных пунктах, состоявших из 1364 дворов, проживало 16102 человека. Этнический состав поселенцев не был однороден, среди них были китайцы (ханьцы), маньчжуры и дауры – собственно маньчжурскими были 27 деревень, насчитывавшие 510 дворов, в которых проживали 5780 человек. Шимкевич отмечал, что и до подписания договора население этого района состоя-

¹ АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол (1644-1917), оп. 491, д. 1440, л. 128.

² АВПРИ. Ф. 143, оп. 491, д. 1140, л. 178 об.

³ Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII - н. XX вв. М., 1985. С. 51.

⁴ РГИА. Ф. 560, оп. 28, д. 832, л. 1.

⁵ РГИА ДВ. Ф. 701, оп. 1, д. 232, л. 46.

⁶ Грум-Гржимайло Г.Е. Описание Амурской области. СПб., 1894. С. 394.

ло из маньчжур, китайцев и дауров. В связи с тем, что после присоединения края к России перепись не проводилась, динамику роста численности населения он рассчитывал приблизительно. Шимкевич полагал, что в 1867 г. население исчислялось цифрой около 11 тыс. душ, что коррелирует с данными комиссии Сколкова, в 1882 г. – 14 тыс., в 1894 г. – 16 тыс.¹

В 80-е гг. ежегодно со всех хозяйств, находившихся в Амурской области, в китайскую казну собиралось около 460 пудов конопли, 1204 воза угля и около 37000 пудов буды, весь хлеб сдавался в провиантские магазины в Айгуне².

Согласно данным, собранным комиссией И.Сколкова, отношения русских и зазейских маньчжур складывались вполне дружелюбно. В первое время заселения бассейна р. Зеи и соседних станиц русские крестьяне и казаки брали у китайцев семена, скот, нередко займы, с обязательством уплатить при первой возможности. Но нередко мена, покупка совершались ночью, с целью обмануть бдительность местного нойона и избежать штрафа или незаконных поборов. Эти соседские отношения сохранялись и на момент посещения Приамурья комиссией Сколкова (1869 г.). Отмечалось также, что русское население не заимствовало китайского способа хозяйства, хотя китайцы иногда пользовались русским плугом или сохой. В Айгуне при помощи русских мастеров была построена конная мельница, многие стали употреблять коровье молоко и доить коров. Комиссия Сколкова пришла к выводу, что "затруднения в более тесном сближении русского с китайским населением на Амуре создаются не народом китайским, но правительством, которое до сих пор старается, при посредстве бюрократии, полагать этому сближению возможные препятствия"³.

Тем не менее, как и предполагали наиболее дальновидные русские чиновники, существование сел зазейских маньчжур на русской территории стало настоящей проблемой для русской администрации. Любое ее действие в отношении этой группы

¹ АВПРИ. Ф. 143, оп. 491, д. 1140, л. 166.

² РГИА ДВ. Ф. 701, оп. 1, д. 232, л. 59.

³ РГА ВМФ. Ф. 410, оп. 2, д. 4179, л. 60.

населения вызывало немедленную реакцию со стороны не только местных китайских властей, но и Пекина. Со временем стали очевидны различия в понимании русской и китайской сторонами 1 статьи Айгуньского договора. Русская администрация считала, что территория, на которой проживают зазейские маньчжуры, является частью России и предоставлена маньчжурам в пользование, причем этим правом могли воспользоваться лишь те, кто проживал на левом берегу Амура в момент подписания договора. Китайские власти стали рассматривать территорию проживания зазейских маньчжур в качестве китайской территории. Хэйлунцзянский генерал-губернатор в 1886 г. писал, что местность, занятая "в окрестности от р. Зеи до Хормолдзин, надо понимать, принадлежит Китайскому государству"¹.

Китайские подданные не признавали юрисдикции российских властей, подлежали суду в Цинской империи и в случае совершения правонарушения их отправляли в г. Айгунь. К зазейским маньчжурам регулярно из Китая прибывали чиновники для сбора податей и налогов².

Сельские общества китайских подданных управлялись старшинами, назначенными китайскими властями. В зависимости от количества жителей в каждом селении назначалось от 2 до 6 старшин, которые наблюдали за порядком в селении, исправностью путей сообщения, производили сборы в казну, высылали людей на службу по требованию правительства и составляли сельский суд, который разрешал мелкие споры, крупные же дела были в компетенции Айгуньского Амбаня³.

Так продолжалось до тех пор, пока пост военного губернатора Амурской области не занял И.Г.Баранов, который счел сложившуюся практику неприемлемой, о чем и доложил генерал-губернатору Восточной Сибири Д.Г. Анучину. Однако из Иркутска последовал ответ: "...предместники Вашего Превосходительства, обращаясь к Айгуньскому Амбаню по делам маньчжурского населения, поступали вполне правильно ... было бы

¹ АВПРИ. Ф. 148, оп. 487, д. 751, л. 11.

² РГИА ДВ. Ф.701, оп. 1, д. 232, л. 59.

³ РГИА ДВ. Ф.701, оп. 1, д. 232, л. 59.

крайне желательно сохранить добрые отношения, как к маньчжурским, так и китайским властям, к чему, судя по прежним временам, сохраняется полная возможность"¹.

Однако, судя по всему, ситуация из Благовещенска и Иркутска казалась разной. Осенью 1880 г. И. Г. Баранов неоднократно направляет запросы в Иркутск, суть которых сводится к следующему - какими правами пользуются проживающие на левом берегу китайские подданные, на кого из них эти права распространяются, как должна строить местная русская власть отношения с этим населением. Помимо конкретных вопросов, требовавших санкции Иркутска, рефреном проходила мысль о том, что маньчжуры смотрят на русских как на временных пришельцев, поэтому необходимо "исподволь заставить маньчжурское население относиться с полным уважением к местным властям и порядку"².

Настойчивость военного губернатора принесла свои плоды. Д.Г. Анучин, уже разделяя взгляды Баранова, обратился за советом к главе императорской российской миссии в Пекине А.И.Кояндеру. 14 января 1881 г. Кояндер направил Анучину послание с грифом "Весьма секретно", в котором не только высказал согласие с мнением Баранова, но и выразил свое личное мнение: "в наших интересах было бы мало-помалу и исподволь, не подавая однако по возможности повод китайским властям к жалобам на нас, приучать этих маньчжур к мысли, что они, по меньшей мере, настолько же зависят от наших начальников, насколько и от китайских"³. Секретное донесение коллежского советника Кояндера было представлено императору Александру III, который одобрил этот подход⁴.

В связи с тем, что численность китайского населения на русском берегу Амура возрастала как за счет естественного прироста, так и за счет миграций, русской администрацией в 1880 г. был предпринят ряд практических мер: маньчжурским властям предъявлено категорическое требование о безусловном

¹ РГИА ДВ. Ф.701, оп. 1, д.232, л. 6.

² РГИА ДВ. Ф.701, оп. 1, д.232, л. 18 об.

³ РГИА ДВ. Ф.701, оп. 1, д.232, л. 29.

⁴ АВПРИ. Ф. 143, оп. 491, д. 1140, л. 7.

запрещении китайским подданным проникать в наши владения без разрешения русских властей, захватывать земли и рубить лес, кроме того, решено провести временную межу, ограничивавшую земли, занятые маньчжурами. В 1881 г. военный губернатор Амурской области докладывал генерал-губернатору Восточной Сибири, что во время встреч с представителями китайской администрации звучало мнение о том, "что китайский богдыхан по дружбе к императору России дозволил русским пользоваться в Амурской области лишними угодьями", о чем и были составлены договора. В распространенном в начале 80-х гг. среди жителей зазейского района манифесте маньчжурских властей эта же мысль выражена менее корректно: "Русские, теснимые голодом и холодом, просили у богдыхана позволения поселиться на Амуре, и он позволил им там жить, пока они не потолстеют"¹. Таким образом, китайские представители считали, что Россия действует "совершенно против трактатов отмежевывая государственные земли с постановкой межевых знаков в общественную и личную собственность". Военный губернатор отмечал, что "так смотрит население Манчжурии на эту проблему и, по всей видимости, так же смотрят на дело высшие власти Китая"².

Тем не менее, в распоряжении от 9 декабря 1883 г. генерал-губернатор Восточной Сибири затронул вопрос о мерах, призванных положить конец "возможности китайского населения распространять захваты внутрь Амурской области"³. Одной из таких мер явилось повторное обмежевание в сентябре 1883 г., причем русская администрация закрепила за маньчжурами более 100 тыс. дес. земли – больше, чем они занимали в 1858 г., однако, как отмечено в отчете, "для выпрямления границы из неправильно ими захваченной земли" отрезано около 200 десятин⁴. Отвод земли осуществлялся из расчета 17 десятин на душу. Все угодья и постройки зазейских маньчжур, оказавшиеся

¹ Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (к. XIX - н. XX вв.). Дис. к.и.н. Омск, 1998. С. 104.

² РГИА ДВ. Ф.701, оп. 1, д. 232, л. 32-33.

³ Грум-Гржимайло Г.Е. Указ. соч. С. 399.

⁴ АВПРИ. Ф. 143, оп. 491, д. 1140, л. 69.

за межевой чертой, оставались в бесплатном пользовании до 1891 г. За порчу межевых знаков предусматривалось наказание по русским законам¹.

Мсжа 1883 г. была утверждена генерал-губернатором Восточной Сибири. Разъясняя сущность этой меры, А.Н. Корф в 1891 г. указывал: "Мера эта была исключительно внутренняя, потому что земли по ту и другую сторону означенной черты принадлежат, без всякого сомнения, русскому государству"².

Кроме размежевания принимались и другие меры – установлены переправы через реку, изъятая земля передавалась русским поселенцам, в 1885 г. "в двух пунктах занимаемого маньчжурами пространства поставлены казачьи посты", прекращена выдача преступников китайским властям³. Зимой 1886 г. Приамурским генерал-губернатором А.Н.Корфом было отдано распоряжение военному губернатору Амурской области А.Беневскому "осторожно и постепенно произвести перепись китайского населения левого берега Амура"⁴. Китайские власти выразили протест против попыток русской администрации провести перепись, установить пикеты на границе, ввести паспортную систему. По их мнению, "коль скоро маньчжуры изъяты из ведения российского правительства, то и не следует принимать таких мер. Вход, выход, поездки их должны быть свободны и зависеть от них самих"⁵.

Ситуацию осложняло и то, что дополнительную неразбериху создавали циркулировавшие слухи. Так, в 1887 г. командир амурского конного казачьего полка сообщал, что среди маньчжурского населения ходят слухи о намерении китайского правительства вскоре переселить в район маньчжурских поселений нашего берега еще до 20 тыс. китайских подданных⁶. Сегодня трудно судить, насколько эти слухи соответствовали дейст-

¹ РГИА ДВ. Ф. 701, оп. 1, д. 232, л. 183 об.

² АВПРИ. Ф. 143, оп. 491, д. 1140, л. 85 об.

³ РГИА ДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 21, л. 7.

⁴ Сорокина Т.Н. Указ. соч. - С. 111.

⁵ АВПРИ. Ф. 143, оп. 491, д. 1140, л. 23.

⁶ АВПРИ. Ф. 143, оп. 491, д. 1140, л. 52.

вительности, но, без сомнения, они способствовали сохранению напряженности.

Для решения вопроса зазейских маньчжур необходимо было определить ту правовую базу, на основе которой могли приниматься решения. В 1887 г. А.Н. Корф в программе деятельности администрации Приамурского края указал на необходимость подчинения зазейских маньчжур русским законам:

В 1894 г. пограничный комиссар Южно-Уссурийского края статский советник Матюнин представил министру финансов С.Ю.Витте, министру иностранных дел Н.К.Гирсу, а также графу А.П.Кассини, возглавлявшему русскую миссию в Пекине, записку "О китайцах и маньчжурах, проживающих на левом берегу Амура". По мнению Матюнина, исходившего из того, что подписание Пекинского договора аннулирует положения Айгуньского, русское правительство имело полные основания относиться к зазейским маньчжурам, как к прочим иностранцам в России. В силу того, что договорами не оговорено безвозмездное пользование землей, автор записки считал необходимым введение подушных (3 руб. в год) и поземельных (1 руб. 20 коп. за десятину) сборов. Наилучшим вариантом Матюнин считал выселение зазейских маньчжур в Китай, но он отмечал, что достигнуть этого можно лишь со временем, "путем выдачи субсидий семьям, желающим уйти от нас на родину"¹.

Однако министр иностранных дел Н. К. Гирс не согласился с тем, что статья 1 Айгуньского договора отменена статьей 1 Пекинского. Несмотря на одобрение большинства предложений, изложенных в записке, отметив ошибочность взгляда на Айгуньский договор, как на утративший силу, он счел возможным обложение зазейских маньчжур податью. Осуществление каких-либо активных действий в отношении этой группы населения Н. К. Гирс считал неприемлемым. В то же время, по его мнению, необходимо обратить внимание на подчинение русским законам тех китайцев, которые селились в селах зазейских маньчжур уже после заключения договоров.

¹ АВПРИ. Ф. 143, оп. 491, д. 1140, л. 127-132.

Для изучения ситуации на месте и сбора информации по указанию Приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского зимой 1894 г. в селения зазейских маньчжур был командирован П.П.Шимкевич. Сбор сведений встретил непредвиденные сложности - китайские старшины, ссылаясь на незнание русского языка, отказывались от беседы. С вступлением в переговоры переводчика Бадмажапова старшина деревни Большой Гильчин ответил, что "без разрешения айгуньского амбана и в отсутствии китайских чиновников требования русских властей исполнить не может"¹. По свидетельству Бадмажапова, "пристав ввиду строгого распоряжения военного губернатора говорил очень вежливо, а старшина, напротив, горячился и доказывал, что у них есть свой губернатор, приказаниям которого они безусловно подчиняются, а потому исполнение требований русских чиновников для них не обязательно". Попытка арестовать старшину привела к тому, что собралась толпа, требовавшая его освобождения. Несмотря на удовлетворение этого требования, "толпа выгнала русских, бросая камни, палки, с криком и руганью гналась" за ними². Подобный прием был оказан русским чиновникам и в других селах. Пограничный комиссар отмечал: "Почти повсюду дети и женщины провожали нас бранью и комками грязи"³.

В то время, когда областная администрация искала выходы из создавшегося положения, приамурский генерал-губернатор в декабре того же 1894 г. получил отношение от товарища Министра внутренних дел, информировавшее о ходе совещания по торговле с Азиатскими странами, созванного при министерстве финансов, где признавалось необходимым подчинение китайских подданных, поселившихся в Амурской области, русской администрации и обложение их поземельными сборами. МИД дал разъяснения в том же духе, что и Н.К. Гирс в резолюции на записку Матюнина. Тем не менее, министр финансов С.Ю. Витте, ссылаясь на 1 статью Пекинского договора, высказался за подчинение маньчжур русской администрации. Проблема зазейских маньчжур стала предметом

¹ АВПРИ. Ф. 143, оп. 491, д. 1140, л. 208об.

² АВПРИ. Ф. 143, оп. 491, д. 1140, л. 208об.

³ АВПРИ. Ф. 143, оп. 491, д. 1140, л. 210.

обсуждения в 1895 г. в Государственном совете при решении вопроса об учреждении управления пограничного комиссара в Амурской области. Проект предусматривал, кроме пограничных сношений, поручить пограничному комиссару заведование полицейской частью в приграничной местности. В круг его обязанностей предполагалось включить выяснение числа лиц, подведомственных китайскому правительству, проведение мероприятий по обложению податями маньчжур, проживавших на левом берегу Амура¹.

Таким образом, русские чиновники, стоявшие на разных ступенях властной иерархии, придерживались двух взаимоисключающих вариантов интерпретации договоров.

Согласно одной точки зрения, 1 статья Пекинского договора отменяет 1 статью Айгуньского, поэтому русские власти вправе осуществлять свою юрисдикцию над китайцами и маньчжурами. Эту точку зрения разделял и Н.П. Игнатъев, подписывавший Пекинский договор².

Вторая позиция связана с представлением, что Айгуньский договор остается в силе, поэтому постепенно, не нарушая его положений, необходимо приучать маньчжур к мысли о том, что они живут на русской земле. Несмотря на столь существенные разногласия в высших эшелонах власти, местной администрации приходилось в своих ежедневных решениях считаться с присутствием этой группы населения на подведомственной ему приграничной территории.

Для того чтобы разрубить этот гордиев узел, С. М. Духовской в письме графу А.П. Кассини, императорскому посланнику в Пекине, предлагал признать "всех проживающих на нашем берегу Амура китайских подданных, без разграничения по племенам, как принадлежащих к тем жителям Зазейской территории, которые были приняты нами по трактатам, и провести совместно с китайскими властями поголовную перепись этому населению, по окончании которой снабдить население удостоверениями", освободившими от необходимости ежегодной выборки билетов³. За поль-

¹ АВПРИ. Ф. 143, оп. 491, д. 1140, л. 173-173 об.

² АВПРИ. Ф. 143, оп. 491, д. 1140, л. 179.

³ АВПРИ. Ф. 143, оп. 491, д. 1140, л. 166 об.

зование государственной землей С.М. Духовской предлагал облагать их сборами наравне с русскими крестьянами Амурской области, а также ввести для них натуральные повинности. А.П. Кассини одобрил предложения С. М. Духовского.

Как это часто бывало, внедрение в жизнь проекта С.М. Духовского шло медленно, встречая препятствия. В 1897 г. пограничный комиссар Амурской области докладывал военному губернатору, что выполнить поручения генерал-губернатора об обложении маньчжур податью за землю и выдачи оседлому населению паспортов, а торговцам - патентов, чрезвычайно сложно, так как он встретил "полное противодействие, как со стороны сельской администрации, так и сельского населения. Старшин приходилось разыскивать и приводить силой... Только уступая силе, они собирали народ, громко заявляя, что они не признают русских властей, а подчиняются исключительно Айгуньскому амбану"¹. Часто старшины давали показания заведомо ложные. В одной из деревень старшина заявил, что поверит тому, что они проживают на русской земле, лишь в том случае, когда к ним перестанут приезжать китайские чиновники, а подчиняться двум властям они не могут. В сложившейся ситуации, по мнению пограничного комиссара Амурской области Громбчевского, выполнение распоряжений генерал-губернатора относительно обложения податью за землю, выдачи оседлому населению удостоверений, а торговцам - патентов было возможно лишь при взаимодействии с китайскими чиновниками.

Вопрос требовал решения на правительственном уровне. Однако русский МИД не считал целесообразным обращаться к Пекину, советуя местной администрации проводить "политику постепенного приучения маньчжур к нашей власти".

Позиция русских дипломатов несколько изменилась в 1898 г., когда русский посланник А. Павлов сообщил из Пекина, что, по его мнению, наступил подходящий момент для радикального решения вопроса². Он считал, возможным склонить китайское правительство к заключению соглашения, по которому раз и навсегда

¹ АВПРИ. Ф. 143, оп. 491, л. 1140, л. 210.

² АВПРИ. Ф. 143, оп. 491, л. 1140, л. 256.

могла быть устранена юрисдикция китайских властей на левом берегу Амура, а если такого соглашения достигнуть не удастся, то необходимо получить от Цзунлиямыня предписание, "дабы местные китайские власти не препятствовали русской администрации управлять русской территорией с китайским населением"¹.

Посланник считал, что подписание такого соглашения возможно, если в соответствии с 1 статьей Айгуньского договора будет признано сохранение китайского подданства за зазейскими маньчжурами и подтверждено их право владения землей, которой они пользовались до заключения договора. По его мнению, ко всем остальным жителям левого берега следовало применять те же правила, что и ко всем китайцам в Приамурье².

Однако дипломатическое урегулирование этого вопроса затягивалось. В январе 1900 г. военный губернатор Амурской области сообщал приамурскому генерал-губернатору о необходимости обложения зазейских маньчжур сборами, отмечая, однако, что по политическим обстоятельствам этот вопрос может быть решен только через дипломатические переговоры³.

На рубеже столетий стало чувствоваться осложнение обстановки на русско-китайской границе. В июне 1899 г. все маньчжуры в возрасте от 18 до 40 лет были призваны на военную службу в Айгунь⁴. В декабре 1899 г. айгуньский амбань самовольно выставил на территории зазейских маньчжур военный пост с 35 солдатами и 2 офицерами. Русские власти предложили посту удалиться. После того как это предложение было отвергнуто, китайских военных, не оказавших никакого сопротивления, разоружили и отправили на правый берег Амура⁵.

Незадолго до начала боевых действий, как следует из отчета Н.И. Гродекова, "все маньчжуры тайно переправились с семьями и имуществом на другую сторону Амура, к своим соотечественникам, уже открывшие против нас неприязненные

¹ РГИА. Ф. 560, оп. 28, д. 832, л. 39.

² АВПРИ. Ф. 143, оп. 491, д. 1140, л. 256 об. - 257.

³ РГИА ДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 339 л. 42.

⁴ Сорокина Т.Н. Указ. соч. - С. 117.

⁵ АВПРИ. Ф. 143, оп. 491, д. 1140, л. 288.

действия"¹. Один из жителей Благовещенска, чьи заметки о событиях лета 1900 г. были опубликованы в "Восточном вестнике", сообщал следующее: "Большая часть [жителей маньчжурских деревень - Е.Н.] убежала за границу и там, вооружившись и получив значительную подмогу от своих войск, сделала вылазку на наш берег, сожгли пикет и заставили отступить небольшой, высланный против них, отряд русских. Но подоспевшие наши войска (солдаты, казаки и орудия) произвели большой урон недисциплинированной толпы: маньчжуры в ужасе бросали свои ружья и бежали врассыпную, тщетно ища спасения. Почти все пересадившиеся на наш берег маньчжуры погибли"².

Таким образом, неразрешимая дипломатическим путем проблема устранилась сама собой летом 1900 г. – селения зазейских маньчжур на русском берегу Амура перестали существовать.

После окончания боевых действий на Амуре приамурский генерал-губернатор издал распоряжение: "Ввиду того, что группа этого иноплеменного и недружественного к русским населения представляла явную аномалию на нашей территории и в течение долгих лет не обнаруживала признаков сближения с русскими, ныне сделано распоряжение, чтобы ушедшие зазейские маньчжуры не допускались обратно на прежние места жительства"³.

17 ноября 1901 г. императорским указом земля от р. Зеи на юг, до бывшей дер. Хормолдзин, названная Зазейским районом, была предоставлена для заселения Амурскому казачьему войску "в воздаяние за доблестную службу казаков этого войска при защите Приамурского края и в последних военных столкновениях с китайцами"⁴.

По инициативе Хэйлунцзянского губернатора, указывавшего, что вследствие событий 1900 г. более 10 тысяч человек попали в бедственное состояние, не имея средств к существованию, китайскими властями неоднократно поднимался вопрос о возвращении зазейских маньчжур на левый берег Амура. Рос-

¹ Сорокина Т.Н. Указ. соч. - С. 118.

² Дневник благовещенца (от 2 июля до 2 августа) // Восточный вестник. 1900. С.68.

³ Сорокина Т.Н. Указ. соч. С. 118.

⁴ РГИА. Ф. 560, оп. 28, д. 832, л. 83 об.

сийское правительство считало, что маньчжуры, эмигрировавшие в Китай, потеряли права, дарованные Айгуньским договором¹. Анализируя создавшуюся ситуацию, российский МИД в качестве возможной меры по урегулированию проблемы предлагал проведение переговоров по индемнизации, уплаты вознаграждения, "с тем, чтобы китайцы отказались от каких бы то ни было дальнейших домогательств"².

Тем не менее, вопрос земель Зазейского района возникал в 1907 г., когда китайское правительство вручило несколько нот русскому посланнику в Пекине, а также выдвинуло его решение в качестве неперемennого условия открытия русского торгового поселка в Айгуне³. В 1910 г., при посещении Приамурского генерал-губернаторства даогаем Ли Тяо, он, выразив желание посетить Зейский район (Николаевский станичный округ), неоднократно поднимал вопрос о его возвращении, давая понять, что посланник в Санкт-Петербурге лично доведет это требование до императора, а в случае отказа грозил обратиться в международный суд⁴. Обширная дипломатическая переписка между Китаем и Россией по этой проблеме не привела к такому решению, устроившему обе стороны. Вопрос о землях зазейских маньчжур был вновь поднят Китаем на пекинских консультациях 1964 г., в ходе которых китайские представители выдвинули претензию на сохранение прав китайских граждан проживать в пределах Советского Союза на участке восточнее слияния Зеи с Амуром у Благовещенска. Эти претензии советские дипломаты отклонили, а руководитель делегации П.И. Зырянов подчеркнул, "что в договоре нет ни единого слова о принадлежности Китаю территории в этом районе"⁵.

¹ РГИА. Ф. 560, оп. 28, д. 832, л. 119 об.

² РГИА. Ф. 560, оп. 28, д. 832, л. 153.

³ РГИА ДВ. Ф. 702, оп. 1, л. 526, л. 26 об

⁴ АВПРИ. Ф. 188, оп. 761, д. 267, л. 9 об.

⁵ Мясников В.С. Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII-XX вв. Хабаровск, 1997. С.424.